

СВЯТЫЕ КАМНИ

Богат Серебряный век русской поэзии на имена. А каждое имя, в свою очередь, представляет разнообразие талантов.

В. Я. Брюсов, 145-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году, – поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк.

Один из основоположников русского символизма.

Михаил Кузмин выступал как поэт, прозаик, критик, драматург, автор балетов, переводчик. В его переводе мы поныне читаем «Золотой осёл» Апулея.

Николаю Клюеву было суждено стать старейшиной в группе крестьянских поэтов Серебряного века. Одна из газет 1911 года писала о поэте: «Он принёс в город запах рощ и трав, аромат покосов и золотого жнивья. Клюев – искреннее, истинное дарование. В нём настоящая крепкая сила».

Борис Богатков – советский поэт, наш земляк, заслуживший звание героя Великой Отечественной войны посмертно. Стихи Бориса Богаткова уже во время войны стали широко известными среди солдат. Так, однажды поэт, идя по одной из новосибирских улиц, стал свидетелем такого случая. Сучений шли солдаты, и тут командир скомандовал: «Запевай». И в ответ раздалось: «На родном зауральском заводе// Крепко сделан, фашистам на страх...» Это были слова песни о гвардейском автомате, автором стихов был Богатков. Пусть же в Вышнем мире добавится радости поэту оттого, что мы и сегодня помним о нём и празднуем 100-летие со дня его рождения.

Валерий Брюсов

(1877–1924)

Воспел поэт чеканный стих
на рубеже тех потрясений,
что выпали нам в день осенний.
России он доселе лих.

Забудь о резкости, прости
его, грядущий отрок мщений,
ведь он, умерив многих рвенье,
помог вдаль избранным грести!

Благословенно это место,
где можно древний мир вдохнуть,
подумать, что поведал Нестор,
себя в Элладу окунуть
и, посох мужеством усилив,
идти туда, где бог – Вергилий.

Михаил Кузмин

(1872–1936)

Его душа – осенние озёра –
подёрнута ненастной серой мглой,
и взгляд такой, что будто бы иглой
пронзить могла любого визитёра.

И лучше нет в пирушке фантазёра,
умеющего скрыть мечты игрой
на струнах грусти. Вот такой изгой
у нас всегда за пультом дирижёра.

Куда уплыть от блеска вечеров,
от блуда дев, артистов, фразеров,
одетых бытом в белые одежды?

Не в этот ль мир надуманных страстей,
где бьёт форель откормленных гостей,
что без царя, без веры, без надежды.

Николай Клюев

(1884–1937)

Диптих

1

Узнать его на Невском мудрено.
И где она, та самая собака,
что в ноги бросится, однако,
и заскулит протяжно и темно.

Придёшь к нему, сказать бы, да смешно, —
полати, мох, иконы, свечи... «На-ка
ломоть ржаного... Не крутись, ломака,
оставишь верно скатерти пятно.

Уважь, присядь». Расскажет о далёком,
где облака похожи на молоки,
где шубу сроду не снимает зверь.

А в русских печках спрятались поэмы...
Кто и когда — вот таинство дилеммы! —
найдёт их среди утраченных потерь?

2

Не всем рубаху чёрную носить,
чесать затылок гребнем редкозубым

и, выпятив промасленные губы,
под дурачка на улице косить.

До дыр – на крыльцах – есть кому сносить
льняную ткань. И выскажусь я грубо:
гудят уже серебряные трубы,
чекист кожанкой новою форсит.

Поэт, объятый силой ураганной,
под пристальным вниманием нагана,
навечно сгинет среди снегов и льда.

Под Томском где-то, в чёрном чемодане,
растут стихи – сибирские баданы,
им светит ярко Севера звезда.

Борис Богатков

(1922 – 1943)

Решив судьбу стремительной атакой,
сержант ушёл в объятие огня...
И задохнулась, землю очерняв,
своей слюной фашистская собака.
Пройдут года, строка во имя блага
откроется – не время обвинять,
а боль тупую в сердце приунять,
крепить в солдате мужество, отвагу.
На подвиг песня грозная звала:
в бою раскрыв могучие крыла,
взлетела птицей в солнечные выси!
И вскоре он, познав смертельный риск,
пришёл домой, в родной Новосибирск,
снял каску, замер, воин светлолицый.